

Все хорошие книги сходны в одном – когда вы дочитаете до конца, вам кажется, что всё это случилось с вами, и так оно навсегда при вас и останется.

Э. Хемингуэй

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ознакомился с публикацией Андрея Цунского «Когда мы играли в индейцев...», в которой автор описывает биографию кумира мальчишек прошлого века Джеймса Фенимора Купера. Мне показали тоскливо-пророческими первые строки этой статьи: *«Нынешнее поколение детей – последнее, которое может спросить у отца: «Папа, а во что вы играли, когда не было компьютеров?»». И получить ответ: «В индейцев!».*

В НЕИЗВЕДАННЫЙ ПУТЬ ПО УСКАТУ

– Слушай, Бизон, а не махнуть ли нам в Красулино?

– А где это?

– Ну это на той стороне Томи, на... левой.

Если из Терёхино смотреть, то там за рекой село Казанково на горе видно. Речка в нашу Томь впадает – Ускат называется, так вот там выше по этой речке и стоит село Красулино.

– А чё мы там делать-то будем?

– Дак там же тоже, по-моему, тайга. Ну, по крайней мере, с той стороны от Терёхино видно, что горы все тайгой заросшие.

– Ну поехали, – согласился Вовка, и кислоскудная гримаса на его лице преобразилось в задумчиво-спокойную.

Сельский рынок открылся, народ стал собираться – запахло зелёным лучком, малосольными огурчиками, а тут ещё откуда-то к остановке тётка в белом фартуке подкатила с коляской и давай зазывать: «Беляши! Подходим, берём беляши. Горячие беляшки!». Ну а уж когда она открыла притороченный к коляске армейский термос и по воздуху разлился аппетитный дух запечённого в тесте мяса, то не в силах уж терпеть голод мальчишки наскребли по карманам двадцать две копейки и купили у тётки по беляшу. С горячим беляшом-то и жизнь стала казаться веселее, а тут вскоре к остановке и автобус красулинский подрулил.

Пазик пылил по просёлочным дорогам, увозя парней к неизвестному им селу Красулино. Надо сказать, что географию родного края пацаны в школе изучали не очень внимательно. А посему, когда уже через полчаса автобусной тряски парни так и не увидели за окном таёжных дебрей, Димка стал сильно сомневаться в своих предположениях. Однако он всё ещё надеялся, что вот-вот начнётся тайга, запахнет пихтовой смолой, но автобус по-прежнему катил по бескрайним полям и лугам с небольшими берёзовыми перелесками и колками.

Когда автобус остановился посередине какого-то села и из него стали выходить пассажиры, Димка для убедительности обратился к кондуктору:

– А это что, уже Красулино?

– Да, конечная, – отрезала кондукторша. – Все выходим!

С постными лицами парнишки выгрузили свои мешки на вытоптанную местными бурёнками площадку с ещё не засохшими коровьими лепёшками.

– Ну и где здесь нехоженая тайга? – укоризненно спросил Вовка своего примолкшего товарища.

Димка, чувствуя свою вину, медлил с ответом, но затем, пораскинув мозгами, вроде как со знанием дела взглянул на солнце и, протянув по выбранному направлению руку, произнёс:

– Нам нужно вон по той речке идти на восток к берегу Томи.

– Далёко идти-то?

– Не, не очень...

Возле остановки – небольшой магазинчик, пацаны решили купить чего-нибудь для лёгкого перекуса. Деньжат у них было немного, потому взяли уже изрядно подсохшие булочки с повидлом да по бутылке лимонада. Теперь оставалось только выбрать место для пиршества. Чуть поодаль от автобусной остановки виднелся ветхий деревянный мосток через речку – к нему приезжие мальцы и направились. Открывшийся с мостика вид не впечатлил друзей: по тихому мелководью плавали гуси да утки, тут же бродили коровы, овцы, в сырых прибрежных кустах рылись свиньи, а по грязной воде тихо плыла зелёная тина да гусиные кашаки.

– Пойдём, Белый Бизон, куда-нибудь подальше от села, – глядячи на всё это, предложил Димка.

– Согласен, Беркут, давай найдём местечко на природе подальше от этого свинства. Там и перекусим.

Мальчишки спустились с моста и отправились вниз по правому берегу речки. Берега реки заросли тальником, не везде можно было к ней подступиться. Наконец они нашли приятную солнечную полянку, поросшую ромашками, красным клевером и яркой шелковистой луговой травкой. И так славно было на этой полянке: солнышко пригревает, кузнечики в траве стрекочут, бабочки по цветочкам порхают. Хорошо! Булочки с лимонадом умяли быстро – не хватило,

решили ещё по пряничку употребить следом за булочкой. Опять хорошо. Ещё ласковой солнышко светит, ещё пуще кузнечики стрекочут, а в кустах и птички защебетали. Прямо-таки райское местечко!

Ну и, уж конечно, после такого вкусного перекуса в окружающей их благодати мальчишки разомлели – леность по телу разлилась, а потому решили малость поваляться на травке, понежиться на тёплом солнышке. Прошлую-то ночь, впрочем как и позапрошлую, они провели в полудрёме, толком не спали, и оттого довольно скоро под этот убаюкивающий стрёкот кузнечиков полуденный сон овладел ими.

Проснулся Димка от какого-то непонятного шума и крика. Приподнял над травой голову и увидел, что они в окружении коровьего стада, а его дружок, уцепившись обеими руками за морду пёстрой бурёнки, пытается что-то вырвать у неё изо рта.

– Помогай! – увидев приподнявшего голову друга, завопил Вовка.

Димка поспешил на помощь ратоборствующему с животным товарищу и теперь только понял, что корова зажевала их розовый узелок с пряниками и никак не хочет его возвращать. Общими усилиями парням удалось-таки отстоять похищенный узел, однако теперь он имел такой измусоленный вид, что пацанам пришлось его просто выбросить, да и не жалко было, потому как пряники после коровьих зубов-жерновов превратились в сплошное крошево.

– Представляешь, – стал рассказывать Вовка, – сплю я себе спокойно и вдруг слышу: кто-то прямо у меня над самой мордёнью челюстями жамкает, открываю глаза, а прямо передо мной огромная башка с рогами и выпученными глазами – мне со сна-то показалось, что чёрт. Я сначала-то напугался даже, а потом уж в себя пришёл и понял, что это корова и что она пряники наши зажевала.

– Надо же, Бизон коровы напугался, – посмеялся Дмитрий.

– Дык спросонку чё тока не привидится.

– Да, – многозначительно произнёс Димка, – вот и закончились Юркины прянички. Наверно, вспоминает теперь нас, завидует поди...

– Ага, – тихонько хихикнув, подхватил Вовка, – представляет, как мы сейчас на плоту по Томи сплавляемся.

Димка почесал затылок, посмотрел на солнце и изрёк:

– Солнце уж высоко, пора, однако, нам в путь-дорожку. Мы снова идём к большой воде, Белый Бизон!

Вовка согласно кивнул головой и решительно забросил за спину свой увесистый рюкзак.

– Я готов, Мудрый Беркут!

– Тогда вперёд, Белый Бизон!

Несмотря на преследовавшие парней неудачи, у них ещё не иссяк запас оптимизма, и они по-прежнему готовы были к преодолению непредвиденных трудностей.

Бодрым шагом мальчишки направились вдоль берега реки. Они не ведали, сколько километров им предстоит прошагать до устья, знали лишь, что эта речка впадает в Томь.

Русло оказалось очень излучистым – парни отметили это сразу же, как только пошли по слишком крутой дуге. Сначала они не придали этому большого значения, потому как из-за высоких кустов не было видно ни поворотов реки, ни её изгибов, но когда в следующий раз они пошли по берегу уже в обратном направлении, то поняли, что эдак они далеко не уйдут.

– Чё-то, Мудрый Беркут, мы какими-то кругами ходим, – слышался из-за Димкиной спины упрёк. – Солнце то в правый глаз светит, то в левый, а то вообще в затылок греет.

Речка Ускат в своём течении здесь изобиловала множеством причудливых излучин. Река годами вымывала глинистые берега, образуя крутые извилистые повороты – меандры, и иногда эти меандры образовывали почти замкнутые петли. Вот из-за этой особенности реки мальчишки и кружили по берегу, шагая то на восток, то на запад. Через полчаса такой ходьбы они оказались почти в том же месте, откуда и начали свой путь. Тому свидетельствовали мирно пасущиеся невдалеке пёстрые коровы, те самые, которые совсем недавно стащили у них пряники.

– Нам нужно выбраться вон на тот пригорок и осмотреться, – заявил Димка после недолгих раздумий.

С небольшой возвышенности хорошо стало видно, как заросшая кустарниками река, извиваясь причудливыми петлями, словно огромная зелёная змея, убегает в бесконечную даль.

– Я так думаю, Белый Бизон, что кратчайшее расстояние между двумя точками – это прямая линия, – тоном знатока провозгласил Димка, – и потому мы больше не будем кружить вдоль берега, а пойдём напрямиком через поля, вон в том

направлении, – перстом указав, закончил он свою мудрую речь.

– Истину говоришь, сагамор, – поддержал Вовка, – твоя мудрость, конечно, велика, но хоть у меня и трояк по геометрии, помнится мне, что в школе нам математичка на уроке что-то про это говорила...

Димка, еле сдержав улыбку, не ответил на дружескую подковырку, поддёрнул рюкзак и резко двинулся вперёд. Некошенные луга чередовались с небольшими берёзовыми рощицами, и потом снова тянулись нескончаемые поля, заросшие бурьяном и крапивой. Брести по высокой траве и кустарникам было весьма неприятно, но вдруг путники вышли на грунтовую дорогу. Удивились. Однако идти стало намного легче и быстрее, ноги не путались в траве. Вскоре дорога постепенно стала уводить их в сторону и потом и вовсе повернула в какую-то видневшуюся вдаль небольшую деревеньку.

– Что за деревня? – спросил Вовка.

В ответ Димка недоумённо пожал плечами. Тут путники увидели, что к ним навстречу со стороны деревни тащится запряжённая гнедой лошастью телега. Мальчишки скинули рюкзаки и стали ждать. Вот повозка поравнялась с ними.

– Здравствуй, деда! – обратился Димка к пожилому вознице. – А это какая деревня?

Мужичок, натянув вожжи, остановил лошадь и, не слезая с повозки, степенно ответил:

– Здорово, ребятки! Так это село Недорезово, – затем, хитро прищулив один глаз, поинтересовался: – А вы сами-то, хлопчики, откель будете? И чего тут в наших краях промышляете?

– Да мы с города, – замявшись, пояснил Димка, по привычке пряча за мешками чехол с ружьём, – на рыбалку вот приехали.

– Э-э, ребятюшки, какая уж тут нонче рыбалка... Вот раньше, старики сказывали, эта речка-то Ускат, по-старому называлась Уксатом, это остяки её ещё так называли, что по-ихнему значит «стерляжья река». Так-то вот. Наши-то деды в былые времена тоже стерлядку в ней ловили, да хорошо ловили, даже на продажу в Кузнецк её вывозили.

– Вот ни фиги себе! – удивился Вовка. – Никогда бы не подумал, что тут стерлядка водилась!

– Да в ней и другой-то всякой рыбы полным-полно было... А щас речка спортилась, зачернили её, запоганили... – погрустневшим голосом добавил дед. – Там, в верхах, уголёк нашли, шибко

уж рюют, и всё – ушла стерлядка. Так что ступайте на Томь – там ещё можно рыбку словить.

– А далёко, деда, нам ещё до Томи-то тёмать? – поинтересовался Вовка.

– Да не, не так чтоб уж... – ответил неопределённо дедуля, осматривая тяжёлую ношу мальчишек. – Вы ребята, я смотрю, резвые, беготливые, так что к вечеру как раз и доберётесь. – Возница тронул вожжами лошадь и, причмокнув губами, продолжил прерванный путь. – Вот Чичербаево тока минуете – и там рядом, – обернувшись вполборота, добавил на ходу дед вместо прощания.

Такой ответ оставил ребят, а особенно Вовку, в некотором недоумении – про это Чичербаево они впервые услышали, да и сколько им ещё идти, тоже толком не поняли. Проводив взглядом удаляющуюся скрипучую телегу, мальчишки продолжили путь.

Долго шли пацаны под палящими солнечными лучами – кругом ни теничка. Жажда уж стала их донимать, а к речке неохота заворачивать, да и ту воду так не попьёшь – кипятить надо. Хорошо, попался им на пути ручеёк – напились досыта чистой холодненькой водицы. Надо было бы и с собой в дорожку воды налить, да не во что набрать – бутылки-то из-под лимонада зря выбросили. Передохнули чуток и снова пошли.

Время уж к вечеру, а пути и конца не видно. Встретилось им по дороге ещё одно село – наверно, это и было то самое Чичербаево, о котором говорил дед.

Только они миновали его, Вовка не преминул высказать впереди идущему товарищу:

– Говорил «недалёко», а вон уж вторую деревню проходим, где ж то Казанково? Его и не видать ещё... И этот дедуля тоже... «Рядом». Ему на лошади-то, конечно, всё рядом...

– Ну теперь-то точно немножко осталось. Вон Ускат заворачивает вправо, а слева за речкой на тех горах должно быть Казанково, – успокаивал Димка подуставшего друга, хотя и сам умотался вусмерть.

Эта дальняя изматывающая дорога заставила ребят на какое-то время позабыть об условностях их «великого похода», забыть о том, что они вожди краснокожих. Им теперь явно было не до игры и не до упражнения в индейской красноречивости. Дотащить бы до места.

Лишь на закате парнишки вышли на устье мутного Уската. И вот снова у них перед глазами зелёная река – тихоструйная спокойная красави-

ца Томь. Однако было им теперь совсем не до любования, усталость тянула к земле. Прошли пешочком они в этот день немало – около двадцати километров, да ладно бы налегке, а то ведь со снаряжением и с месячным запасом сухого пайка на плечах.

Чуть поодаль от устья Уската возвышался двадцатиметровой стеной скалистый берег Томи. Между рекой и скалами узенькой полоской тянулся бечевник, усталый речным галечником да скатившимися со скал глыбами серого песчаника. Парни протащились немного вдоль берега и, сбросив рюкзаки, растянулись прямо на отмытой рекой крупной гальке. С полчаса они просто лежали, вытянув намятые за дорогу ноги.

Но вот диск солнца уж коснулся деревьев, и Вовка, не вставая с камней, предложил:

– Надо бы чё-нибудь сготовить, и лучше горяченького, мы ж третий день толком не ели.

– Может, супчику забабахаем?

– Давай, у нас там, кажись, есть вермишелевый с мясом.

– Ну тогда пошли дрова искать.

Вдоль берега среди кустов и камней после весеннего паводка осталось довольно много плавника, и ребята скоро вернулись с охапками сухих веток.

Зачерпнув из реки воды в кастрюльку, пристроили её меж двух камней и зажгли под ней огонь. С костерком на берегу сразу стало уютней.

– Я думаю, пару пакетиков вермишелевого сыпанём, – предложил Димка, – чтоб посытней-то было.

Вода быстро закипела, и через четверть часа супчик был готов. Черпака, конечно, не взяли и потому кружками разлили по мискам довольно густое варево, добавили в него сухариков, и застучали ложки по чашкам. Поели и снова отвалились на камни; от ощущения сытости стало неумолимо клонить в сон. Сумерки уже сгущались, всё мрачнее становились вечерние краски неба.

– Слушай, Белый Бизон, а нам надо убираться с этой узкой тропы. Мы устали, уснём ведь крепко, а бледнолицые здесь шныряют по берегу. Хорошо, если просто ограбят, а то могут ведь и скальпы с нас снять!

– Ты прав, Мудрый Беркут, на этой тропе оставаться опасно.

– Когда дрова собирали, я заметил во-о-он на тех скалах небольшую нишу, – кивком головы указав место, пояснил Димка. – Давай-ка в ней схоронимся.

88

– Давай, – согласился Вовка, пристально всматриваясь в то место, куда указал друг.

Уже в сумерках парни карабкались со всем скарбом вверх по каменистому обрыву к неглубокому гроту. Добравшись до скальной ниши, друзья довольно быстро уснули прямо на голых камнях – как говорится, под головы кулак, а под бока и так.

Миновала тихая ночь. Спали пацаны этой ночью не шелохнувшись и лишь ближе к рассвету заёрзали на жёстком каменистом ложе, выгребая из-под себя руками острые вдавившиеся в тело обломки камней.

А к утру по-над Томью, над самой гладью воды, завис густой белый туман. На прибрежные травы упала обильная роса, отсырели и повлажнели камни на берегу, постепенно сырость пробралась и в пещерку, где отдыхали юные путешественники. Ощувив в теле зябкость, мальчишки поднялись с холодных камней и стали выбирать из-под скальной ниши.

Туман над рекой с первыми лучами солнца быстро растаял. Чтобы прогнать из тела утренний озноб, парнишки распалили на берегу костёр.

– Ну мы дали с тобой вчера! – вспоминая дорогу, молвил Вовка. – У меня ноги до сих пор гудят!

– Это точно, приличный путь проделали, – поддержал Димка. – Хороша тренировка! Но мы всё ж дошли с тобой до устья! А, Бизон?

– Да, дошли, только... – не договорил Вовка, уставившись в костёр. Его явно терзали сомнения в правильности выбранного Димкой маршрута.

– Куда дальше двинем? – спросил Вовка. – Мне здесь не катит – вон банки, бутылки валяются. Да и людно здесь как-то. Никакой дикости.

– Да уж, с Терсями не сравнишь... – мечтательно произнёс Димка. – А вода там какая... Я на Средней Терси ещё пацанёнком был – мы с мамкой на кукурузнике туда летали к её сеструхе в Ячменюху, так я на речку сбегал поглядеть. Все камушки на дне видно, будто воды и нет вовсе, и, мелко-мелко так, кажется, а зайдёшь в воду – там по грудь. Во вода какая!

– Здоровски! А представляешь, мы могли бы вот это место уж проплыть по реке на нашем плоту, – как-то отрешённо добавил Вовка. – И потом доплыли бы до Терсей... Если бы не этот...

– Слушай, друган, – резко перебил его Димка, – а у меня ж дядька постоянно в Терёхино на

рыбалку приезжает, а у него большая лодка со стационаром, я даже прошлым летом помогал ему красить её суриком. А вдруг он щас там, в Терёхино!.. Да он нас запросто на своей лодке до устья Терси подбросит!

– А как мы до Терёхино доберёмся?

– Надо какую-нибудь лодку ловить, чтобы на ту сторону нас перевезли, на остров. Вот это перед нами же остров Терёхинский – он большой, длинный, а за островом – Терёхинская протока, там есть брод, по нему даже машины ездят во время покоса. Ну а за протокой сразу и деревня прям на берегу стоит.

Предложение Димки в данной ситуации было заманчивым, да и выбора особого у «скитальцев» теперь не было, парнишки на том и сговорились.

В ДЕРЕВНЮ С НАДЕЖДой

Ждать лодки пришлось не очень долго – на этот раз повезло. Моторка поднималась снизу и, судя по ходу, направлялась как раз к устью Уската. Лишь только лодка причалила к берегу, мальчишки уж были подле неё. На просьбу пацанов перевезти их на другой берег немолодой хозяин лодки согласился, но не в сей момент, а малость попозже – нужно ему было сходить ещё в село по каким-то своим делам.

Вернулся хозяин лодки примерно через час и, ни слова не говоря, стал стаскивать в реку острый нос лодки. Ребятам показалось даже, что он забыл о своём обещании, они поспешили помочь ему да заодно и о себе напомнить. Лодочник взмахом руки указал пацанам загружаться, а сам прошёл на корму к мотору. Пока хозяин наматывал шнур на маховик стартера, ребята закинули в лодку свои рюкзаки. На третьем рывке шнура мотор взревел.

Через какие-то десять минут лодочник уже высадил ребят на остров. Парни поблагодарили немногословного моториста, тот кивнул и унёсся вниз по течению.

Снова взгромодили пацаны рюкзаки на плечи и снова вперёд – через заросли тальника и черёмушника к противоположному берегу острова. Неожиданно на пути им встретилась старая курья, обильно заросшая по берегам невысокими кустами – даже Димка не знал о её существовании. Пришлось ребятам какое-то время идти вдоль берега этой довольно глубокой старицы. И тут вдруг явилось им чудо – в небольшом проёме между ветвей черёмушника

взору открылась удивительная картина: в тёмной стоялой воде среди кувшинок и лилий купались две юные красавицы. Одна из девушек с обнажённой грудью стояла по пояс в воде и увлечённо плела из кувшинок венки, а другая плавала рядом. Потом та, которая плавала, подняла глаза и, увидев незнакомых парней, тихо предупредила об этом плетущую венки подругу. В следующий момент они обе уставились на парнишек и стали беззастенчиво знаками зазывать их к себе. Ошеломлённые пацаны замерли – в первый момент им даже не верилось, что всё это происходит наяву.

– Идём отсюда, – наконец полушёпотом произнёс опомнившийся Димка, – и побыстрому!

Не дожидаясь реакции друга, Димка рванул в сторону подальше от этого тёмного водоёма. Вконец растерявшийся Вовка, оглядываясь на ходу, устремился следом за ним.

– Ты чё так шустро сбежал-то? – спросил он, догнав дружка. – Такие девахи симпатные, да ещё и сами нас поманили...

– Какие девахи?! – полушёпотом выдал Димка. – Откуда им здесь взяться-то? Ты ноги-то у них видел?!

– Нет, они ж обе в воде по пояс...

– Вот то-то и оно! Не девки это вовсе, а русалки-болотницы! А вместо ног хвосты у них рыбы. Заманят в омуток – и всё, пиши пропало! От них уж не вырвешься... И косточек твоих потом не найдут! Водятся тут в озёрах такие – мне про них ещё бабка рассказывала.

Теперь Вовка следовал за другом в глубокой задумчивости – очень уж он сомневался, что те симпатичные девчонки на самом деле русалки. «Надо было спрятаться да подсмотреть за ними, выяснить, что там у них ниже пояса: ноги или хвосты», – рассуждал на ходу заинтригованный парнишка.

Между тем юные путники миновали заливные луга, пока ещё не кошенные, и уже подошли к протоке. Здешние места были хорошо знакомы Димке – в деревне жили его родственники и здесь в детстве он провёл не одно лето, на этой протоке ловил он пескариков в тихоструйных песчаных отмелях; прекрасно знал Димка, в каком месте можно перебраться протоку. Неглубокий брод, где вода доходила чуть выше колен, мальчишки перебрали без курьёзов и сразу, не переобуваясь, в чвакающих на ходу мокрых кедах, направились в село.

Рублёный дом под вальмовой крышей, в котором проживала Димкина тётка, располагался совсем не далеко от реки. Брёвна дома от времени уж сильно потемнели, да и сам сруб снизу подопрел и оттого немного осел в землю. Парни вошли через калитку во двор, но на лай взъерепенившегося пса никто на крыльцо не вышел. Димка повернул на двери кольцо щеколды и вошёл в сенцы, а затем и в избу, кликнул хозяев, но и там никто ему не ответил, и он снова вышел во двор. Пёс наконец-то признал Димку и успокоился.

– Нет никого, – объявил Димка присевшему на лавочку товарищу.

– Может, в магазин пошла? – предположил Вовка, отгоняя ногой окруживших его наглых рябых куриц.

– Ну тогда бы хоть замок на дверь накинула, – и тут Димку осенило: – Да она, скорее всего, в огороде копается.

В подтверждение его догадки тётка Аграфена уже подходила к огородным воротцам с большим пучком лебеды в руках.

– Здравствуйте, тётъ Груня!

– Ой ты батюшки мои, никак гости у меня! – возрадовалась Аграфена. – А пошто так поздно? Автобус-то с города уж давно пришёл.

– Да мы не на автобусе, – пояснил племянник, – мы пешком пришли из Красулино.

– А-а?! – недоумённо произнесла Аграфена, разбрасывая по двору лебеду оживившимся курам.

– Мы с другом путешествуем, – поспешил Димка с разъяснением.

– Устали, поди? – посочувствовала тётка. – Есть, небось, хотите? Щас я что-нить сготовлю. А пока вон простокыши попейте – там она, в сенцах.

Простокваша у тётки Груни была знатная, Димка это хорошо помнил – резкая, крутая и аж пластами закисающая в банках. В сенцах на столе рядом с банками стояла большая кружка, и пацаны с удовольствием выхлебали почти половину трёхлитровой посуды.

– Слушай, Дим, – напившись простокваши, вспомнил Вовка, – а как нам насчёт твоего дядьки-то с лодкой разузнать?

– Это я сейчас же выясню, – ответил Димка и, не мешкая, отправился на летнюю кухню, откуда тянуло уж аппетитным запахом – Аграфена жарила на сале большую сковороду яишники.

Из разговора с тётушкой выяснилось, что зятек её Виктор на рыбалку ещё не приезжал, да и

90

о том, когда он собирается рыбачить, Аграфена тоже не ведала. Конечно, такая неосведомлённость не улучшила парням настроения, но и уныния особого тоже пока не вызывала, ведь их расчёт на моторную лодку основывался лишь на Димкином предположении; оставалось только ждать в неведении, опять надеясь на авось.

Снова, в который уж раз, рушились планы мальчишек, словно кто-то чинил им эти препоны и расставлял на пути ловушки, будто какая-то неведомая таинственная сила не пускала их в те глухие таёжные дебри. И никак не могли они добраться к своей изначально намеченной цели – к той самой прозрачной речке, где в серебряных струях резвится быстрый хариус, где в дремучих лесах обилие дичи, а по таёжным ключам хороются золотые самородки.

Вскоре тётка Аграфена кликнула мальчишек к столу. За обедом она исподволь поинтересовалась, чем парни собираются заняться.

– Да мы, тётъ Грунь, ещё не решили, как и куда дальше двинем, – ответил Димка. – Сегодня, наверно, переночуем на вашем сеновале, а к утру определимся.

– Ну вот и хорошо, куды вам торопиться-то, – наливая парнишкам чай, рассуждала Груня, – авось сёдня картошку мне поможете ополоть – попозже, вот токо пекло чуток спадёт.

Друзья переглянулись и согласно закивали, как же не помочь.

Ближе к вечеру Аграфена засобиралась в огород. Повязав на голову белый платок, она зашла в подсобку и загремела там инструментом. Когда из сарайчика послышался металлический звон рашпиля о лезвие тляпки, парни поняли, что это и есть сигнал, оповещающий о начале прополки.

В огороде у Аграфены картошки было посажено немало – соток эдак пять, а то и больше, и взгляд мальчишек тоскливо заскользил по заросшим травой ровным длинным рядкам. Однако занятие это было им, считай, с раннего детства знакомо, и парни со знанием дела взялись за тляпки.

Окончив прополку, друзья забрались передохнуть на набитый сеном чердачок хозяйского коровника – там было устроено место для ночлега. Растянувшись во весь рост на духмяном сене, мальчишки наслаждались наконец-то более-менее мягкой постелью.

– Послушай, Беркут, мы что-то потихоньку превращаемся в скваттеров, – приподнялся Вов-

ка на локоток, – а индейцы племени ленапов жили в лесах. Мы что, так и будем здесь, на хозяйском дворе, ожидать твоего дядьку? Когда он ещё приедет-то?

– Ты верно говоришь, Белый Бизон, но мы сегодня всего лишь помогли женщине, а завтра, я думаю, нам надо уходить в лес. Пойдём на реку, подальше от деревни, к большим тополям, там поставим вигвам и будем ожидать его. Я бывал в тех местах раньше – там почти не бывает людей.

– Как мы тогда узнаем, что он приехал?

– Скажем тётке, в каком месте будем ждать, она ему и передаст.

– Хорошо, – потянулся Вовка, – потёпаем на реку, будем жить на берегу – рыбки там хоть половим.

Ближе к вечеру со двора послышался призывный зов Аграфены – тётушка зазывала мальчишек на ужин. Парни шустренько спустились по приставной деревянной лестнице – на столе их ждала томлёная в сметане картошечка и прикрытая марлей кринка с молоком. Плотно поужинав, друзья поведали Аграфене о своих планах на завтрашнее утро и снова отправились на сеновал.

На сытый желудок мальчишек сразу потянуло в дремоту. Они ещё поговорили немного о традициях индейцев, живущих на берегах Великих озёр, и, накрывшись одеяльцами, сами не заметили, как погрузились в безмятежный сон.

Утром раным-ранёшенько Димка проснулся от настойчивого сиплого крика петуха – тот взлетел на плетень и орал что есть мочи, казалось, нарочно в сторону сеновала, где спали мальчишки. Этому хриплому кочету поочерёдно вторили соседские петелы, и это горластое одногласие разносилось далее по всей деревне. Солнце ещё не взошло, но через щели в досках уже просачивался струящийся розовый свет от занимающейся на востоке зари.

Вставать не хотелось, но во дворе звякнуло ведро, и через минуту до слуха донеслось монотонное: «Бзынь-бзынь, бзынь-бзынь». Это струи молока из коровьего вымени били об алюминиевое днище подойника. Тётка уже вышла на утреннюю дойку своей любимой коровушки.

– Просыпайся, – тронул Димка за плечо сладостно посапывающего товарища, – нам пора в дорогу.

– Ага, – помедлив, отозвался Вовка, лениво поднимаясь с лежанки, – хорошо поспали.

Ему не очень-то хотелось проспать именно сейчас, как раз снились те вчерашние игристые русалки.

Собирались друзья недолго – рюкзаки подготовили ещё с вечера и потому могли выдвинуться в путь немедленно. Тётка Аграфена уже подоила корову, теперь через марлю процеживала молоко и разливала его по банкам. Конечно же, на дорожку тётушка налила мальчишкам по кружке тёплого парного и слегка сладившего молочка.

Уже первые лучи солнца позолотили малиново-розовый небосклон востока – день по всем приметам обещал быть ясным. Аграфена проводила гостей до калитки и тут же следом стала выпроваживать корову на пастбище. Парни довольно резво взяли старт из деревни и вскоре вышли на ведущую к реке прямую улицу. По деревне со всех дворов и проулков уже слышалось то протяжное, то отрывисто-зычное мычание плетущихся бурёнок – они словно маленькие ручейки вытекали из тесных деревенских улочек, сливаясь в одну большую пёструю речку. Вот слышался хлёсткий, словно выстрел, щелчок плетёного бича по воздуху – пастух на коне собирал коров в стадо.

ВИГВАМ НА ПРОТОКЕ

Миновав крайние избы, друзья вышли за деревню. Сразу за околицей нужно пересечь ручей, вытекающий из Долгого озера. Чтоб с раннего утра не мочить кеды, мальчишки разулись и босыми перебрали ручей. Далее перед ними расстилалась обширная луговина, а за ней в обозримой дали виднелся тёмный лес. Солнце уже взошло над горизонтом, и в его лучах травы на лугу засветились бисерной росой. Хоть трава на поляне росла невысокая, всего лишь до щиколотки, но этого вполне хватило, чтоб тканевые советские кеды сразу же промокли насквозь и смачно зачавкали при ходьбе.

– Зря только разувались, – пробурчал на ходу Вовка.

За ровной луговиной, растянувшись вдоль речной поймы, сразу начиналась рёлка с множеством небольших торфяных кочек, чередующихся с влажными ложбинами и длинными невысокими буграми, по которым клочками топырились заросли калины, шипастого боярышника и черёмухи. Под ноги стали попадаться сухие ветки боярки с острыми, словно швейные иглы, шипами – эти места даже коровы, единожды уколовшись, обходили потом стороной. Теперь и

парням в обувке с тонкой резиновой подошвой шагать нужно было очень осторожно – с приглядкой под ноги. Луговая неудобница протянулась вдоль берега до самого леса. А за этой релью пойма реки вылаживалась, исчезал кочкарник, и эти места облюбовал чёрный тополь – осокорь. Тополя вырастали здесь до огромных размеров – иной раз встречались стволы такой толщины, что вдвоём руками не обхватишь. На самом берегу протоки обильно росла ива и разный другой мелкий кустарник. Суглинистый берег местами круто обрывался в реку, но мальчишкам за излучиной удалось найти хорошее место с пологим песчаным пляжем.

– Давай здесь ставить вигвам, – обнаружив ровную полянку чуть выше пляжа, устало выдохнул Димка.

– Хуг! Отличное местечко, Мудрый Беркут! – поддержал его вошедший в игру Вовка.

– Ну что, начнём обживать? Для вигвама нам понадобится с десятков жердей, – уминая ногами траву на поляне, рассуждал Мудрый Беркут.

– Наши томагавки остры, – согласился Белый Бизон, – я думаю, что в этом лесу найдутся подходящие деревья.

Мальчишки разбрелись по лесу. Вскоре выяснилось, что не так-то уж и просто выбрать из подлеска более-менее ровные да ещё и с рогадулинкой на конце жерди. Строительство вигвама затягивалось, пока парни не наткнулись на островок молодого осинника – здесь было довольно тонких прямых деревьев, и дело пошло быстрее.

К полудню остов вигвама был готов, оставалось обвязать жерди поперечными хлыстами и накрыть каркас жилища зелёными ветками (никакого холста для покрытия жилища у пацанов, конечно, не было). Не забыли друзья в этот раз и о постели – натаскали внутрь шалаша тонких веток и охапки скошенной ножами травы, а вход в вигвам завесили всё тем же незаменимым куском полиэтилена.

– Неплохо смотрится, – пятясь к реке, оценил жилище Белый Бизон, – правда, индейцы накрывали вигвамы выделанными кожами, да и спали они на тёплых медвежьих шкурах, но за неимением... и так сойдёт.

– Летом жить можно, – согласился Мудрый Беркут.

– Надо нам теперь дровишек впрок заготовить для костра, – напомнил Белый Бизон, – а то скоро обед.

Сухостоя и валежника даже в обозримом лесном пространстве было предостаточно – оставалось лишь подтащить его поближе к вигваму.

– Слушай, Дим, может, я пока один дрова потаскаю, а ты костром займёшься? И обедом...

– Ладно, договорились, – согласился Димка, – сегодня я готовлю.

Пока Вовка волочил из лесу сухие коряжины, Димка с усердием занялся оборудованием кострища. В нескольких метрах от входа в вигвам он вбил в землю пару черёмуховых рогатулин, притащил с берега десяток больших камней, обложил ими кострище и только тогда запалил костёр. Приятно запахло дымком – Димка заворожённо наблюдал, как огонь жадно пожирал сухие веточки.

Подкинув ещё дровишек в костёр, Димка с кастрюлькой ушёл на реку и, прежде чем зачерпнуть воды, обмыл потные лицо и шею. Тут его внимание привлекли стайки спящих у берега мальков, и он подумал, что неплохо было бы и рыбки на уху наловить, и сразу же вспомнил, что у них нет ни картошки, ни лука... Он досадовал теперь на себя, что не догадался спросить об этом у тётки в деревне.

В костре уже нагорели докрасна угли, и от них веяло сильным жаром – самое время подвешивать кастрюлю с водой. Пока Димка, читая надписи на пищевых брикетах, рылся в рюкзаке, выбирая подходящий концентрат, вода в кастрюле уж нагрелась. В это время и Вовка, решив немного передохнуть, тоже подсел к костру.

– Чего у нас будет нынче на обед? – спросил он колдующего над кастрюлей сотоварища.

– На обед у нас будет суп молочный с вермишелью, – сорвав с брикета обёртку, объявил Димка.

Он попытался было раскрошить прессованный брикет над кастрюлей, но тот плохо поддавался, и в конце концов просто сбросил плохо размятый концентрат в ещё не закипевшую воду.

– Разварится! – со знанием дела пояснил Димка наблюдающему за процедурой товарищу.

Надо сказать, что суп из спрессованного брикета Димка готовил впервые, и что-то ему подсказывало, что он чего-то не учёл. В сомнении он поднял сорванную с брикета обёртку и только теперь начал читать пояснения к способу приготовления.

– На ноль целых восемь десятых литра воды! – удивился парень. – Хм! Как бы я отмерял эти ноль восемь?

Это было первое несоответствие инструкции, но далее концентрат предвзвешенно требовалось тщательно растолочь.

– Да-а! – почесал повар затылок и, сняв кастрюлю с костра, попытался раздолбить ножом утонувшие в уже побелевшей мутной воде крупные куски брикета. Вскоре это занятие ему надоело, и он вновь вывесил кастрюлю над костром.

Вовка всё это время молча наблюдал за поварским искусством друга. Но вот наконец-то в кастрюльке закипело, забулькало.

– Пусть подольше покипит, – помешивая ложкой белое варево, решил Димка, – авось разварится... да и вода лишняя повыкипит.

Ждали ещё четверть часа – на большее терпения не хватало.

– Бери ложку, давай пробовать, – предложил повар.

– Давай испробуем, чего ты там забодяжил...

Белая молочная водичка была ещё так себе – солоновато-сладковатая, но лапшинки в этой воде поймать ложкой было затруднительно. Иногда всё же удавалось выловить цельный кусок концентрата, обгрызть его сверху, а сырую, непроваренную середину выплюнуть.

– Кажись, поели, – съехидничал Вовка.

– Ну наперёд нам будет наука, – спокойно ответил Димка, – сначала рецепт на упаковке читать надо, потом уж готовить.

– Это, конечно, не обед индейцев, – заметил Вовка. – Вот Соколиный Глаз, наверно, уже олень бы завалил, и щас бы на углях мяско с Чингачуком жарили. Да-а. Кстати, что твой винчестер молчит?

– Эх, Белый Бизон, здесь же не тайга глухая, и вместо оленей хозяйские коровы по кустам бродят.

– Когда мы только до неё доберёмся – до тайги-то?

– Вот зайцев я здесь видел, но только один раз.

– Ну и зайчатинка бы сошла щас за милую душу.

– Погодя посмотрим. Сначала надо осмотреться, разведать, что тут и как. Вдруг где-нибудь поблизости бледнолицые затаились.

– Верно говоришь, Мудрый Беркут! Давай тогда уж сегодня до конца оборудуем стоянку, а завтра – на разведку.

Весь остаток дня друзья занимались обустройством лагеря: перерубили для костра все приволоченные из лесу сухие стволы и сучья –

получилась хорошая поленница; вокруг вигвама и около кострища вытоптали высокую траву; из жердей соорудили небольшой обеденный столик. А под самый вечер у Вовки возникла хорошая идея – вырезать из черёмухи удилища да окуньков половить. Черёмуховых кустов в окрестностях множество, и можно без особого труда отыскать ровные и длинные пруты. Вырезав по паре хлыстов, парни вернулись к дымящемуся ещё костру.

– На ужин-то чё-нить готовить будем? – ошкуривая ножом удилище, поинтересовался Вовка.

– Да надо бы, – отозвался Димка, – но давай уж теперь по рецепту кашки сварганим.

Отложив в сторону своё уже почти очищенное от коры удилище, Димка полез в рюкзак и достал брикет с надписью: «Каша пшеничная с мясом».

– Вот с мясом-то оно само то будет! – удовлетворённо заявил Димка и принялся готовить, строго следуя указаниям на обёртке. – Сегодня я готовлю, а завтра твоя очередь.

В этот раз варево у него получилось правильное – даже вид у каши был вполне съедобным и аппетитным. Парнишки с удовольствием умяли пшеничную кашку да стали готовиться ко сну.

Эта первая ночь в вигваме не оправдала ожидания друзей. Поначалу мягкая зелёная подстилка, источающая запах вянущей травы, вполне их устраивала, но постепенно неприятная сырость трав, проникая сквозь одежду к телу, охлаживала спину и заставляла ворочаться с боку на бок. А тут ещё и комары, несмотря на завешанный полиэтиленом вход, проникли в шалаш и принялись досаждать своим нудным писком.

Среди ночи Димка, не выдержав холодящей сырости и комариного натиска, выбрался из вигвама наружу. Небо было усыпано мириадами ярких звёзд. Над лесом и луговинами, укрытыми чёрным ночным покрывалом, висела сонная тишина, лишь речка лениво лепетала, словно беседовала с крутым глинистым бережком.

Насладившись ночным покоем, Димка подошёл к кострищу. Угли под пеплом прогоревших поленьев ещё были горячими, и парень, подкладывая сухие тонкие веточки, стал раздувать угольки. Вскоре робкий огонёк вспыхнул в темноте, и по мере того, как Димка подкладывал всё более крупные хворостины, пламя быстро разгоралось. Когда уже костёр осветил стоящий невдалеке вигвам, из него выполз и второй «индеец» – вид у него был слегка очумелый. Ему

опять приснились фривольные русалки, но в этот раз они уже пытались утащить его на дно тёмного омута...

– Да, Мудрый Беркут, что-то постель в нашем вигваме сыровата, – подсаживаясь к костру, изрёк Белый Бизон, – надо будет подсушить днём траву на солнышке.

– Ага, – отозвался Димка, – и дымокурчик посередине соорудить от комаров не помешало бы. Так чукчи делают – у них очаг прямо посреди чума.

– Да чё чукчи, и у индейцев тоже вон во всех фильмах да и в книжках на картинках я видел – дымок из вигвамов вьётся, – зевнул Вовка и удобно расположился возле огня.

Примолкшие мальчишки, словно замороженные, смотрели на пляшущие языки пламени, и думки их теперь были подобны пламени этого костра – лёгкими, тёплыми и уютными. Но тут Вовке опять вспомнились приснившиеся коварные русалки.

– Слушай, Беркут, а те русалки ведь от нас недалеко... Они случаем не приплывут к нам по реке?

– Не, не должны, – как-то неуверенно ответил Димка, – они ж по реке не плавают... Это ж болотницы, они только в тёмных омутах обитают...

– Откуда ты знаешь? – усомнился Вовка. – Мне вот они опять ночью чё-то привиделись...

Остаток ночи друзья так и провели возле костра. К утру посвежело, на луговые травы опустилась роса; зябко пацанам стало у затухающих углей, и, ленясь снова разжигать огонь, они перебрались досыпать в зелёный шалаш на свои травяные лежанки.

Проснулись друзья в это утро довольно поздно, когда солнце уже, разогнав лёгкий туман, взошло над луговинами и подсушило выпавшую на травы росу. Вьюрки в зарослях кустарников уж всюю насвистывали извечный мелодичный вопрос: «Медведя видел? Медведя видел?»... Хотя в этой местности жители почему-то считали, что птичка эта, красноголовая чечевица, вопрошает: «Никиту видел?».

Первым делом пацаны сбегали на речку, умылись и, взбодрённые прохладной водицей, взялись наводить в вигваме уют. Для начала выгребли из шалаша и расстелили на солнце всю натасканную за минувший день траву и затем отправились на берег собирать подходящие для очага камни.

Камней мальчишки натаскали даже с избытком и теперь увлечённо выкладывали ими круг посредине вигвама. Довольные своей придумкой, они запалили небольшой костерок в обложенном валунами круге и вышли наружу глянуть, как идёт дымок из вигвама. Зрелище их несколько разочаровало – получилось не совсем как на картинках: дым валил не только из верхушки конуса, но и пёр из всех щелей зелёного шалаша; со стороны вигвам несколько смахивал на загоревшуюся копёнку. Однако мальчишек это обстоятельство не очень-то и расстроило.

– Нормально, – заявил Белый Бизон, – дым сверху тянется, а внизу его нет. Зато комаров всех из вигвама выгонит.

– Это верно, – согласился Мудрый Беркут, – раньше бани так в деревне топили: по-чёрному.

Поворошив разбросанную вокруг вигвама и уже подсыхающую траву, парнишки направились к костру.

– Однако, Белый Бизон, сегодня твой черёд готовить.

– Справедливо, Мудрый Беркут, я готов.

– Ну а я, пожалуй, схожу на разведку с ружьём, авось чё попадётся!

– Во, это дело, – обрадовался Вовка, – зря мы его, что ли, с собой таскаем. Глядишь, и свежатинки отведаем, – потом с расплывшимся от улыбки лицом повернулся к Димке: – Помнишь, как мы его покупали у того мужика?

Димка улыбнулся в ответ и согласно кивнул головой. История с приобретением ружья была действительно странной и неожиданной.

Случилось это прошлым летом. Друзья тогда возвращались из леса, где упражнялись в метании ножей и «томагавков». Они уже добрались до Байдаевского посёлка и направлялись к автобусной остановке. И тут на углу Мурманской улицы пацаны наткнулись на торгующего всякой всячиной мужичка. За небольшим прилавком мелочник разложил старую обувь, посуду, какие-то тряпки и... ружьё! Оторвать взгляд от воронёного ствола Димка уже не мог – это была его заветная мечта. Пальцы парнишки скользили по холодному металлу, по истёртому прикладу – одноствольная курковка была уже не новой, но вполне исправной. Парень заглянул в ствол – тот отливал зеркальным блеском, взвёл курок, щёлкнул бойком и деловито по-взрослому спросил продавца:

– За сколь продаёшь?

– За пяташку отдам, – оценивая покупателя, ответил мужик, – со всеми придамбасами.

Торговаться Димка не умел, да и цена была невысокой (в магазине такая одностволка стоила двадцать один рубль, но к тому времени охотничье оружие уже продавали лишь по охотничьим билетам). Но где ж взять такие деньги? Пятнадцать рублей! И тут парень вспомнил, что на краю посёлка в частном секторе проживали его родственники. Упустить такую возможность он уже не мог.

– Я куплю, только щас вот за деньгами сбегаю. Подождёшь маленько? А?.. Я быстро...

Мужичок согласно кивнул.

– Вовка, покарауль, – снимая рюкзак, обратился он к дружку, – а я смотаюсь к родственникам, попробую денег занять. Да смотри, чтоб он больше никому не продал!

Ждать попутного автобуса у Димки не хватало терпения – он весь был на взводе, и потому припустил во всю прыть по Мурманской бегом. Он бежал, пока хватало дыхания, затем, устав, переходил на шаг и потом снова бежал, бежал до изнеможения, до колик в боку. Он нёсся по улицам, не зная точно, дома ли родственники и найдут ли они деньги, – бежал наудачу.

И удача его не подвела: родственники оказались дома, а дядька, видя горящие глаза племянника, пожертвовал своей схороненной заначкой.

Обратный путь Димка так же пронёсся, не чуя под собой ног. Вовка уже заждался друга и очень возрадовался, когда запыхавшийся Димка наконец-то воротился с деньгами.

Сделка с покупкой оружия состоялась. Вместе с ружьём довольный продавец передал пацанам патронташ с латунными гильзами, немного дробы, капсулей и даже свой охотничий билет – он ему теперь был без надобности.

Все охотничьи придамбасы Димка уложил в рюкзак, туда же вошёл и приклад с казённой частью, но вот длиннющий ствол никак не помещался и торчал из рюкзака. Тогда парень просто засунул ствол в штанину, привязав его верёвочкой за подствольный крючок к поясному ремню. И таким манером, изображая прихрамывающего инвалида, покандылял к автобусной остановке. Конечно, и в автобусе ему пришлось стоять всю дорогу на задней площадке. Ну а уж добравшись до городской квартиры, Димка, как говорится, поставил отца перед свершившимся фактом. Обратного хода сделка уже не имела. Вот так вот и появилось у Димки ружьё.

Побродив по берёзовым колкам и до одури навалившись по зарослям черёмушников, Димка довольно быстро понял, что никакой дичи он здесь не встретит. Он уже собирался повернуть обратно, но тут до его слуха донеслось карканье ворон, и разыграл охотничий азарт у парнишки. Размышлял он просто: ворон, конечно, не едят, но им-то, «индейцам», нужны ведь перья для украшения головных уборов. В то время отстрел серых ворон приветствовался всеми охотничьими обществами в независимости от времени года. Вороны наносили большой ущерб охотничьим угодьям, потому что разоряли гнёзда как промысловых, так и непромысловых птиц. По весне вороны склёвывали яйца, а позже вытаскивали неоперившихся птенцов прямо из гнёзд. Среди охотников даже была поговорка: «Ворона – два патрона», потому как в охотобществе можно было получить за каждую воронью лапку по снаряжённому дробью патрону.

Пригнувшись к земле, Димка всё ближе и ближе подбирался к вороньей стае. Ступал очень осторожно, чтоб без шороха, как это делали индейцы, скрадывая намеченную жертву. И хоть на ногах его были советские «мокасины», он всё равно старался красться по-кошачьи, так, чтоб под его ногой не хрустнула ни одна сухая веточка. Вот уже голоса птиц стали громче и в просвете меж кустов парень увидел ворон, разместившихся на ветвях чёрного тополя. Теперь оставалось лишь подкрасться к ним на расстояние выстрела. Димка совсем припал к земле и медленно-медленно, хоронясь за кустами, пополз по траве к тополию. Ему не терпелось добыть скорее трофей, и когда уже птицы стали отчётливо видны, он тщательно прицелился и выстрелил. Ещё дым от выстрела не рассеялся, а Димка уж со всех ног нёсся к дереву. Воронья стая сорвалась с облюбованного дерева и разлетелась по округе, в траве под тополем парнишка нашёл свой первый трофей. Воронья тушка оказалась совсем не крупной, но она и не представляла для него интереса – перья, вот что было главной целью его охоты. Выдернув из хвоста пачочку, Димка воткнул их себе в нечесаную шевелюру и с добычей направился обратно к вигваму.

Тем временем Вовка по-быстрому сварил вермишелевый суп из пакетиков и убежал на речку удить рыбу. Место ему попало удачное – в ямке под перекатом отменно брала на червя сорожка, и, захваченный диким азартом, парень совсем забыл про оставленный без присмотра лагерь.

Не обнаружив на стоянке друга, Димка подошёл к оставленной возле потухшего костра кастрюле, открыл крышку, глянул на уже разбухшие вермишелевые звёздочки, от вида которых у него мгновенно разыгрался аппетит. Он уж было собрался пообедать, но потом решил всё же сначала отыскать своего товарища – Белого Бизона. Сразу же подумал: «Ну где ж он ещё может быть, как не на реке?».

Внимательно осмотрев зелёные берега, Димка не сразу обнаружил своего друга, и лишь только когда из-за кустов мелькнуло недавно ошкуренное белое удилище, понял, что тот удит рыбу.

– Эй, рыбак! Айда обедать!

Ответа не последовало, и Димка стал подходить ближе. Уже на подходе к рыбаку заметил, как тот ловко подсёк и подтащил по воде серебристую рыбку.

– Что, хорошо клюёт? – задал снова вопрос Димка.

– О-о, Диман, – отозвался наконец Вовка, – не то слово, сорожняк хватает, да крупный... Во! – приподняв из воды тяжёлую от рыбы сниску, вырезанную из ивового прута, похвастался рыбак.

Тяжёлая сниска впечатлила, и Димка присел рядышком понаблюдать за процессом. Но, как назло, рыба перестала клевать, и Вовка вышел с удочкой из-за куста.

– А как твоя охота? – оглядывая утыканную перьями голову друга, спросил Вовка. – Я слышал выстрел.

– Да тут одно вороньё в округе. Вот перьями разжился, – указывая на голову, ответил Димка.

– Здорово смотрится! Ты прям настоящий индеец, Мудрый Беркут! Дашь мне опосля стрельнуть из ружья?

– Постреляем потом по мишеням. Я и тебе принёс перьев, мой брат Белый Бизон! Однако я смотрю, ты, оказывается, неплохой рыбак. Снисочка-то поболее килограмма будет!

– Да-а! Щас на костре вот пожарим! И будет у нас и первое, и второе.

Мальчишки сообща шустро почистили рыбу и направились к костру. Быстро развели огонь и, пока нагорали угли, навернули с сухариками подостывший вермишелевый супчик.

А вскоре и жар в костре нагорел. Пацаны стали приспособивать над углями рыбу, нанизывая её на тонкие заострённые палочки. Но ожидаемого результата это не принесло – подпёкшаяся на

жару рыба стала отваливаться с жёрдочек, падать в костёр и подгорать. Доставка из костра горелые хвосты и полусырые развалившиеся спинки, мальчишки выбирали кусочки мяса и чёрными от углей пальцами отправляли в рот. Вкусно, конечно, но как-то неловко и мизерно. Да и рожи у обоих «индейцев» были уж измазаны чёрной сажой, с прилипшими крошками рыбы.

– Я где-то читал, что можно в глине запекать, – вспомнил Вовка, – мож, попробуем.

– Давай, – сразу же согласился Димка, – здесь в крутом берегу должна быть глина.

Мальчишки снова ушли на реку. Глину они нашли довольно скоро и здесь же на берегу, намесив её до пластичного состояния, вернулись с жёлто-коричневыми кусками к очагу. Теперь дело пошло куда лучше – в глине рыба хорошо пропекалась в собственном соку, была цельной, очень вкусной.

– Вот это царская еда, – нахваливал Вовка, расплываясь в довольной улыбке.

– Ага, – соглашался Димка, – только я думаю, что чешую можно и не чистить, кожа-то всё равно на глине остаётся.

Это был приобретённый мальчишками походный опыт, который останется с ними на всю жизнь.

Наевшись до отвала, пацаны развалились возле костра, и тут Вовка вспомнил:

– Хороший нынче день, надо бы за удачу трубку мира выкурить. – Не дожидаясь ответа, он встал и направился к вигваму. По пути обернулся: – А где мои перья? А то ты прям вождём сидишь, а я как бледнолицый.

– Там за вигвамом, справа от входа ворона лежит.

Вернулся Вовка уж с набитой табакотрубкой и с чёрным пером в светлых волосах.

Ритуал, заведённый индейцами, был соблюден, но особого удовольствия от горечи ядрёного табака-горлодёра пацаны не испытывали, а потому, по-быстрому попыхтев невзятый синим дымком, решили по окончании церемонии запарить ароматный фруктовый чаёк.

– Какие на завтра планы, Мудрый Беркут? – спросил Вовка.

– Да вот, Белый Бизон, получается, что мы не лесные, а береговые индейцы. Дичи здесь нет, а потому займёмся, наверно, рыбалкой. Ты как думаешь?

– Я – за! – сразу же оживился Вовка. – Результат ты сам видел. Вдвоём мы ещё больше

рыбы наловим... Мож, даже засолим впрок... – потом поднял взор на реку и добавил: – Да чё завтра... И сёдня на вечерний клёв можно выйти! Река-то – вот она!

Эта идея вызвала у мальчишек новый всплеск активности. Быстренько пошвырвав горячего чайку, они разбрелись по лесу в поисках наживки. На черёмуховых кустах можно было собирать гусениц, в траве стрекотали кузнечики, а в сырых местах под корягами и валежником прятались дождевые черви.

Солнце ещё не опустилось к горизонту, а пацаны уж были на речке. Вовка вернулся на своё облюбованное место, а Димка отправился вверх в поисках рыбных ямок. То обстоятельство, что лагерь остался без присмотра особого опасения не вызывало. В это время покосы ещё стояли нетронутыми и деревенские сюда не заходили, а лодки по протоке не ходили из-за того, что её русло изобиловало мелкими перекатами, где можно срезать шпонки на винтах, потому все моторки бегали по основному руслу Томи. Встречались на протоке и тёмные спокойные омуты, да такие глубокие, что деревенские сказывали, будто там с ручками скрывает, дна не достанешь – хоть заныряйся. Ещё говорили, что рыбы в тех ямах живут огромные и был случай, что у пацана леска от закидушки с живцом вокруг ноги запуталась, так огромная рыбина утащила его в омут.

Врали деревенские иль нет, Димка не знал, но когда ему встретилось широкое место на протоке с тёмным невидимым дном, вспомнил ту байку. Поймать крупную рыбину в омуте было, конечно, весьма заманчиво. Насадив на крючок крупного червя, он закинул удочку в тихую воду и на всякий случай проверил висевший на поясе нож – мало ли что? А вдруг не врали?!

Минут десять Димка смотрел на неподвижный поплавок, потом ему это тихое ленивое спокойствие надоело, и он стал потихоньку перемещаться по берегу к перекасту. И тут за краем прибрежных лопухов поплавок резко ушёл под воду. С охватившим его душевным трепетом парень подсёк рыбину и потащил её на берег. Рыба сильно сопротивлялась, но вот уж из воды показалась её голова, и Димка, совсем ошалев от азарта, одним рывком выволок добычу на песчаный берег. Глаза парня горели от счастья – в его руках бился довольно крупный полосатый красавец окунь. Распалённый удачей, Димка сменил наживку и вновь закинул удочку. Теперь он уже был весь на взводе и, не отрывая глаз, внима-

тельно следил за поплавком, ожидая следующей поклёвки. Вскоре ему удалось выловить ещё одного окуня, потом ещё...

Димка уходил всё выше и выше по протоке и опомнился лишь поздним вечером, когда в сгустившихся сумерках поплавок был едва различим на воде.

Уже в кромешной темени вернулся на стоянку. Вовка к тому времени отрыбачил и поджидал друга у распалённого костра.

Пацаны похвастались каждый своим уловом, но время было позднее, и, слегка подсолив рыбу, они уложили вечернюю добычу до утра в кастрюлю. Тут и ночь навалилась всей своей чернью на лагерь – настала пора готовиться ко сну. Разбросанная вокруг вигвама трава хорошо подсохла на солнышке, парни перетаскали её на свои лежанки, и теперь их постели приятно шуршали высушенным сеном. Перед тем как улечься спать, развели посредине вигвама небольшой костерок и, довольные собой и тем, что они так ловко всё обустроили да ещё и рыбы заготовили, вернулись в образы гордых бывалых индейцев. Они наконец-то после всех мытарств ощутили радостное удовлетворение от своего похода – не всё, но хоть что-то у них получилось так, как они задумывали.

– Мудрый Беркут всё верно придумал, – первым изрёк «индеец» Вовка. – Он достоин почётно-го места на совете вождей деловаров!

– Белый Бизон – великий воин племени ленапов, – вторил ему Димка, – и хороший добытчик! Вождь Таменунд был бы им доволен!

В вигваме витал терпкий миндальный аромат от горевших в очаге веток черёмухи и талины – этот сладковатый дымок, словно фимиам, располагал парней к благодущию и мечтательности. Не было теперь нудного писка комаров, и в такой приятной атмосфере мальчишки безмятежно уснули.

Наутро сразу вспомнили о рыбе – она ещё пахла свежестью, но парни понимали, что при такой жаре её срочно нужно либо жарить, либо варить, но нужно съедать как можно быстрее. Поняли пацаны также, что впрок-то заготовить рыбу у них не получится. Кастрюля-то одна, а она им нужна каждый день – то чай вскипятить, то сготовить чего-нибудь.

– Маленько можно и подвялить, – рассуждал Вовка, – но мухи опять же, а следить за ней нам некогда... Мы ж не взяли с собой скво, а так бы они весь день мух от рыбы отгоняли, пока мы промышляем.

Димка улыбнулся, представив свою одноклассницу, покорно весь день отгоняющую мух от сохнувшей рыбы.

– Я думаю, с нашими скво поход бы закончился на том острове, где мы бросили плот, – отреагировал Димка.

– Да, – согласился Вовка, почёсывая затылок, – как бы мы их оттуда вытаскивали ещё? – потом воспрянул: – А может, заварганим уху – тройную?

– Тройная уха – это здорово, только мы ведь даже недотумкали взять у тётки хотя бы немного картошки. Как уху-то варить?

– А давай с перловкой от каши? Ну типа рыбьего супа получится.

– Давай попробуем, – согласился Димка, – рыбу всё одно использовать надо, пока не чёкнулась.

Долго, в три приёма, варили рыбу с перловкой. Получился суп наваристый, духмяный, да и рыбы варёной целая гора – ешь сколько хочешь!

Трапеза растянулась надолго – пацаны уже наелись, как говорится, от пуза, а рыба всё не кончалась, да и юшку из кастрюльки не всю выхлебали.

– Никогда столько рыбы не ел зараз, – пожаловался Вовка, поглаживая рукой живот. – В меня уж больше не лезет.

– Да и я чё-то натрескался до предела, – подержал Димка, – давай на обед оставим. Поди не скиснет до полудня...

Прихватив кастрюльку с недоеденной ухой, мальчишки перебрались в тень своего вигвама. На сытый желудок пацанов почти сразу же потянуло в дремоту.

Когда они проснулись, им показалось, что проспали весь день. Ленивость ощущалась во всём вялом теле, и, чтоб как-то разогнать эту непроходящую сонливость, мальчишки потянулись к реке охлануться. Прохладная водица миглом взбудрила тела и прояснила сознание. Наплевавшись вволю, пацаны стали соображать, чем им теперь заняться.

– Рыбачить, наверно, сёдня уж не будем, – вымолвил Вовка, – пусть рыбка новая подойдёт, поднакопится. Да мы и ту ещё не доели.

– Ты прав, Белый Бизон, рыба никуда не денется. А давай пойдём потренируемся томагавки метать!

– О, это дело! Воины ленапов должны постоянно упражняться в боевом искусстве. Кстати, ты и из ружья мне обещал дать стрельнуть.

Пацаны вернулись к вигваму, нашли свои вороньи перья, навтыкали их в лохматые головы и, прихватив оружие, отправились к стоящему невдалеке мощному тополю. На сером стволе осокоря очертили круг и, отойдя от дерева на несколько шагов, принялись швырять томагавки в обозначенную цель. Получалось у пацанов неважно – всё как-то больше попадали обухом, но иногда топорики вонзались в дерево лезвием. Это вызывало бурю восторга, и на удачливого «индейца» сыпались похвалы от соплеменника.

– Ну давай теперь ружьё пристреляем, – не терпелось Вовке, – заодно и проверим бой на кучность.

– Давай. Ставь какую-нибудь мишень.

Вовка быстро отыскал небольшую корягу и пристроил её на сухой сук тополя. Попасть в коряжку не требовало большой меткости, но после выстрела мальчишки принялись считать попавшие в неё дробины. Вторым стрелял уже Вовка, и снова после выстрела шёл тщательный подсчёт дробин.

– А давай с пули попробуем? – подначивал Вовка. – А то вдруг в тайге медведь нападёт, придётся ведь стрелять наверняка...

Димке жалко было впустую жечь пулевые заряды, но азарт уже и им завладел. Тем более друг указал очень вескую причину.

С тридцати метров парни поочередно выстрелили по нарисованной на стволе тополя мишени и остались довольны – обе пули угодили почти в «яблочко».

– Не зря мы с тобой в тире тренировались из «воздушки», – деловито произнёс Димка.

– Это как пить дать! – гордо подхватил Вовка. – Я все мельницы в тире сбиваю!

Вволю поупражнявшись в стрельбе и метании томагавков, друзья вспомнили, что дрова у них уж на исходе, и в боевом расположении духа разбрелись по лесу собирать валежник. Пока натаскивали сушняк для костра, день стал склоняться к вечеру.

Так у них и повелось: ловили рыбу, готовили дровишки для костра и упражнялись в искусстве метания томагавков. Уху варили, но по-прежнему без картошки, и ели вприкуску с сухариками. Конечно, можно было бы в деревню сходить и там разжиться и картошкой, и хлебом, но нет – это было не по их правилам. Ушли так ушли, и никакой связи с цивилизацией бледнолицых. Уговор был пользоваться только тем, что взяли с собой,

и подножным кормом, тем, что добудут сами в дикой природе.

С погодой пацанам везло – дни стояли солнечные, и за всё время лишь один денёк выдался пасмурным, даже вдали на горизонте прогремела гроза. От такого летнего зноя крытый зелёными ветвями вигвам совсем высох, стал коричневым и шуршал иссохшими листьями даже при лёгком дуновении ветерка.

Прошла неделя. Как-то тёплой душной ночью, когда комары совсем одолели мальчишек, решили они пошибче разжечь костерок в вигваме, а чтоб комаров выгнать, добавили в огонь сырья из веток и травы. Дымокур получился у них хороший, едкий – всё комарьё, конечно, покинуло их шалаш, но и самим пришлось высушить носы в щели вигвама для дыхания. Когда густой дым немного рассеялся, можно было и подкопчённым «индейцам» спокойно вздремнуть. Однако долго почевать пацанам не пришлось – через какое-то время наваленные в костёр сырые ветки высохли и полыхнули высоким пламенем. Пламя лизнуло сухие, как порох, листья, покрывающие вигвам, те моментально вспыхнули, и огонь с лёгким треском распространился по всему перекрытию. На спящих «индейцев» посыпались пепел и угольки догорающих листьев. Но только когда горячие угольки стали жалить открытые части кожи, парни проснулись и мигом вскочили. Какой тут начался переполох! Ночлежники быстро сообразили, что произошло, и спешно стали вытаскивать из вигвама дымящиеся уже рюкзаки, а заодно и всю сухую траву, что натаскали для лежанок. К тому времени листья на своде вигвама уж обгорели и лишь тонкие веточки ещё тлели и светились, словно зажжённые сигареты, красными угольками. Скучное имущество мальчишек не успело сгореть, лишь рубашки да и все тряпичные вещи были теперь в небольших коричневых пятнышках и мелких дырочках.

Остаток ночи парни провели у костра. Спали плохо – обоих одолевала одна и та же невесёлая думка: «Что дальше? Стоит ли оставаться здесь?». Но вот уже над горизонтом на востоке появилась светлая полоса, обозначившая утро нового дня. Предраассветная прохлада окончательно выгнала дремоту, и Димка принялся раздувать угли затухшего костра. Вскоре разгорелся огонь, и в этот раз Димка, в отличие от прошлых утренников, совсем не жалел дров. От ярко запылавшего костра поднялся и Вовка.

Он словно понял настроение друга и первым начал назревший разговор:

– Да, Мудрый Беркут, мы уж боле недели тут живём, а дядьки твоего всё нет. А приедет ли он вообще?

– Не знаю. Мы ж не договаривались с ним. Откуда ему знать, что мы поджидаем его тут. По идее-то должен на рыбалку приехать...

– Вот-вот! А вдруг он куда-то в другое место уехал? А то и вообще куда-нибудь с семьёй в отпуск на юга маханул?

– Всё так, Белый Бизон, неопределённость хуже всего. Если бы точно знать, что скоро приедет, то вигвам восстановить несложно. Ведь так?

– Да чё там, делов-то: веток нарубить да перекрыть... Только смысл какой? Ну просидим ещё неделю, ожидаючи... Рыбу мы тут почти всю повыловили, охоты тут нет, золотишко в этой протоке тоже не намоешь. Надо кочевать одно-ко, Мудрый Беркут...

– Согласен. Ладно, давай-ка будем собираться. Пойдём в деревню, может, там у тётки что-нибудь поточнее разузнаем.

Конечно, как бы пацаны ни хорохорились, ни бравировали друг перед другом, а настроение сгоревший вигвам им подпортил. Да и надоело им торчать в одном месте, этот ночной пожар лишь подтолкнул их к назревающему решению.

Около трёх часов пополудни мальчишки заявились во двор к тётке Аграфене. Та не очень-то и удивилась их появлению.

– Возвернулись! Долгонько ж вы там на рёлке пропадали... – смотрела она на парнишек весело, с притаившейся в уголках рта улыбкой. Потом, памятуя о наказе мальчишек и своём обещании, добавила: – А Виктора с лодкой не было, не приезжал он нонче.

Погрустнели лица у мальчишек – улетучилась их последняя надежда: добраться до заветной таёжной речки. Они уже стали привыкать к мысли, что не удастся им попасть в терсинскую тайгу, хоть и упорно старались не показывать этого. Наверно, где-то в подсознании друзья понимали, что можно было бы начать всё сызнова, нужно лишь вернуться в город, сколотить новый плот, но надо опять скобы искать... Или ещё проще: дожидаться возобновления рейсов автобусов на Осиновое Плёсо. Но теперь это не так интересно – прошёл запал у мальчишек, пропал тот неудержимый азарт, с которым они готовились к походу, да и наскитались, набродились они досыта. Подустали юнцы.

Эту ночь друзья провели на сеновале, обсудили все свои мытарства. Никто из них не хотел напрямую признаться в поражении, в отступлении от намеченной цели, ведь для воинов племени ленапов это считалось бесчестьем. Но, похоже, глубоко в душе они оба уже были к этому готовы.

– Что скажешь, Белый Бизон, – первым начал разговор Димка, – не покроем ли мы свою голову позором, не добившись намеченной цели?

– О, Мудрый Беркут, тропа наша была трудной, немало испытаний выпало на наши плечи и почти все их мы преодолели. Но обстоятельства почему-то так складываются, что мы не можем продолжить наш путь.

– Да, я согласен с тобой, Белый Бизон, на нашем пути было немало препятствий. Мне порой даже казалось, что это великий дух Маниту предостерегает нас о какой-то грозящей опасности.

– Духов надо слушать, это всё неспроста. Разве так бывает, что нам ну прям везде облом?! Это как? Так что давай не будем испытывать судьбу, Мудрый Беркут. Честно признаюсь, что у меня появились сомнения ещё раньше, ещё тогда, когда мы бросили наш плот.

– Я это почувствовал.

– И потом во второй раз, когда мы приехали на автобусе в Красулино и вместо тайги глаза Белого Бизона обзрели обширные степи. Но ты, сагамор, всегда что-то придумывал и вселял в меня надежду. А теперь, похоже, мы по кривым тропинкам бледнолицых забрели в тупик...

– Хорошо, Белый Бизон, я тебя услышал. Я думаю, что у нас ещё много счастливых дней впереди... Может, потом, когда Маниту будет к нам более благосклонен, мы ещё вернёмся на эту тропу и пройдем её от начала до конца. Хау! Я всё сказал!

На этом и закончилось первое путешествие мальчишек. Уговорили они сами себя и друг друга вернуться домой. Всё это, конечно, было мальчишеской игрой, в которой они подражали книжным героям, но в этой игре они до самозабвения представляли себя индейцами-могиканами – сыновьями великой Унамис-Черепахи.

А впереди у пацанов была целая жизнь. Постепенно год за годом уходило детство, отдалялась романтическая «индейская» юность – близилась пора взросления. Однако тяга к путешествиям останется в них навсегда, и во всех странствиях нет-нет да и отзовется щемящей тоской сохранённая в потаённом уголке сердца память о куперовских героях.